

Глава 50: Рождество

Когда прибыли члены семьи, Се Фань уже вышел на улицу. Он сидел на скамейке, закутанный в шарф Жуань Си, словно мумия, так что видны были только глаза.

— Все еще холодно? — Цинь Цзун купил ему горячее молоко и сел рядом. — Подожди немного, они скоро выйдут, чтобы поблагодарить лично. Встретишься с ними?

Се Фань покачал головой и сделал глоток молока.

— Твой дедушка, — Цинь Цзун помолчал и продолжил только тогда, когда собеседник посмотрел на него, — похвалил тебя за хорошую работу.

— Это потому, что он не знает, что это я, — Се Фань выдохнул горячий воздух. — Раньше я был первым в школе, но старик никогда не хвалил меня.

— Просто ему трудно выражать чувства, — Цинь Цзун держал в руках стакан с молоком, согревая ладони. — Уверен, старик в душе хвалил тебя бесчисленное множество раз.

— В душе не считается. Я отношусь к тому типу людей, которым нужно услышать это, — Се Фань прикусил пустую соломинку. — Если хвалить, то громко.

— Что за требования, — Цинь Цзун вытянул ноги. — А если люди просто не хотят хвалить?

— Тогда я сам буду хвалить себя, — Се Фань рассматривал прохожих. — Самовнушение и успокоение.

— Стоит добавить кое-что еще, — Цинь Цзун искоса посмотрел на него.

— Что?

— Самодисциплина.

Светило яркое солнце на безоблачном голубом небе, на улицах почти не осталось и следа снегопадов, а над головой тянулись голые ветви деревьев. Казалось, лучики солнца возвращали рукам и ногам капельку тепла. Сердцебиение, до этого ничем не отличимое от барабанной дроби, раскалывающей лед, начало приходить в норму. Се Фань посмотрел на небо, и шарф соскользнул вниз, обнажив лицо. Выглядел юно, с растрепанными желтыми волосами, которые на солнце лишались мрачной тени.

— Вот как... — Пробормотав, Се Фань стянул с себя шарф, надел бейсболку, вновь поднял

голову и взглянул на больницу позади.

На фоне голубого неба она напоминала прекрасный дворец, белоснежный, словно облака.

— Самодисциплина... — Се Фань улыбнулся. — Ты что, я, Бог Учебы, должен учиться самодисциплине? Мне просто хочется услышать: «Вау, ты такой крутой».

— Мне жаль, такой двоечник, как я, не может разделить твои невзгоды и сопереживать тебе, — Цинь Цзун расстегнул молнию куртки и спрятал молоко за пазухой. — Как друг, могу только сказать: круто, круто, круто.

— Круто, круто, круто, Се Фань самый крутой, непобедимый барабанщик во Вселенной, — Се Фань расхохотался, махнул рукой и утонул в самолюбовании. — Вау, это правда. Только представь, как красиво бы выглядела сцена: фанаты внизу, поднимая руки, встречают своими криками непобедимого и крутого барабанщика... Пф!

Жуань Си вышел со стариком в белом халате и, спустившись по лестнице, указал на Се Фаня. Се Фань тут же прикрыл лицо шарфом, а юноша подошел и откинул его в сторону.

— Что ты делаешь? Ты же пускаешь соплю в шарф Лаоцзы, верно? — Жуань Си забрал шарф и тщательно осмотрел.

— Что делаешь ты! — Се Фань огляделся, позади никого не оказалось. Он спросил, с облегчением вздохнув. — Что сказал дедушке?

— Ничего, просто показал героя-спасителя, — ответил Жуань Си. — Старик без очков, поэтому не разглядел тебя, только силуэт.

— Я хочу остаться безымянным героем. Не выставляй меня на всеобщее обозрение.

— Тц, — Жуань Си принял молоко, которое достал Цинь Цзун, вставил трубочку и сделал несколько глотков. — Самовлюбленность — это болезнь, и ее надо лечить.

— О чем болтаете? — Вышел Кун Цзябао с Чэнь Лином и Ли Сю. — Пойдемте, или будете дальше сидеть и греться на солнышке?

— Умственно отсталый ребенок нуждается в дополнительной порции кальция, — Жуань Си пнул Се Фаня ногой. — Пойдем поедим.

Цинь Цзун подошел к нему, и Жуань Си протянул ему стаканчик с молоком.

— Сделай несколько глотков, оно еще горячее. Сколько ты грел? Давай, пей.

— Минуту, — Цинь Цзун сглотнул. — Всего один стакан, еще пару глотков — и ничего не останется.

— Вернемся и купим еще... — Жуань Си расплылся в улыбке.

Се Фань шел позади остальных, засунув руки в карманы. Он показал средний палец парочке, демонстрирующей свои чувства, и оглянулся назад.

— Доктор... — В памяти возник образ человека в белом халате, идущего по просторному и светлому коридору. Тот улыбнулся и сказал. — Будь верен клятве врача и сосредоточься на самодисциплине. Ты еще не начал... Продолжай идти.

— Продолжай идти, — Чэнь Линь повернулся боком. — Что, не хочешь есть?

Се Фань резко поднял голову, страх и растерянность оглушали. Он посмотрел вперед: несколько человек смотрели на него, и в груди вновь забурили давно забытые чувства.

— Я! — Се Фань вздохнул и громко воскликнул. — Я иду!

Сказав, он со всех ног бросился вперед, набрасываясь на группу.

— Черт! — Застигнутые врасплох, они все постарались увернуться. — Мы же на улице! С ума сошел?!

Се Фань обнял со спины Ли Сю, крепко сжал воротник Кун Цзябао и с энтузиазмом крикнул:

— Вперед! Сегодня съедим семейный набор!

— Денег нет, — Чэнь Линь нахмурился.

— Ничего, — Кун Цзябао улыбнулся. — Брат угощает, пойдем в ресторан.

Рождество выпало на субботу. Се Фань и Ли Сю сидели на корточках у входа во Вторую школу, раздавая небольшие брошюры с выступлением группы. Кун Цзябао пригласил Ли Нин, Кун Цзяюй договорился о встрече с Сюй Линлан под давлением своего брата, а Ся Цзин и ее лучшая подруга лично получили брошюры. Товарищ Чэнь Линь, вокалист и гитарист, за день до этого сообщил всем, что не сможет петь.

— Я подрался, и у меня сломался голос, — Чэнь Линь тянул воротник с легким недовольством.

— Что делать? — Жуань Си повертел в руках ручку. — Где мы сейчас найдем кого-нибудь?

— Вот он, — Цинь Цзун положил руку на плечо Кун Цзябао. — Наш маленький принц.

— «Early to Bed», верно? Предоставь это брату, — Кун Цзябао кашлянул.

Владелец бара симпатичный молодой человек, часто стоящий за барной стойкой. Чтобы соответствовать атмосфере, он специально поставил сосновую ель перед стеклянной дверью и надел рождественскую шапку. Несколько человек вместе украшали бар, и поскольку приближался праздник, кроме них, никого не было. Вечером пришло много людей, почти все они школьники. Су Боюй сидел на отдельном диване, и Чэнь Линь, увидев его, хмыкнул.

— Это уже слишком — надевать галстук, — Жуань Си, который долго завязывал галстук в узком коридоре, пожаловался. — Кто их выбирал? Такие вычурные.

— Рекомендация Ли Сю, — Цинь Цзун взял его за руку и помог завязать галстук. — Он несет ответственность за этот шик, я отвечаю только за одно.

— За что же? — Жуань Си поправил галстук и потянулся к собеседнику. — Расскажи мне.

— Я отвечаю за то, чтобы сделать товарища Жуань-Жуаня геем, — Цинь Цзун чмокнул его один раз, потом еще раз.

Жуань Си откинулся назад, Цинь Цзун обнял его за талию, прижал к стене и углубил поцелуй.

— Прошу прощения, — совершенно бесцеремонно просунул голову Се Фань. — Я просто хочу спросить, кто позвал моего отца и дедушку? Как мне играть, когда два этих неотесанных мужчины сидят за столом!

— Как играть? — Цинь Цзун закатал рукава, обернулся и холодно усмехнулся. — Я научу.

Кун Цзябао стоял в центре, его рубашка была наспех перешита и выглядела слишком тесной, заправленной в брюки. Свет в баре потускнел, он поднял руку и щелкнул пальцами, и маленькая сцена неожиданно осветилась. Саксофон Цинь Цзуня и барабаны Се Фаня начали первыми, бас Ли Сю последовал за ними. Кун Цзябао был расслаблен, и его голос, не намеренно приглушенный, сразу же передал легкий мотив песни. Он медленно огляделся и, обнаружив сидящую неподалеку Ли Нин, смягчился.

Привлекательность некоторых людей не зависит от внешности, а от особой харизмы, настолько явной, что позволяет игнорировать неприметный облик.

Саксофон подобен самой лени, той врожденной непринужденности. Барабаны идеально

сочетались с ним, вся свобода Се Фаня передавалась через электрические колонки. Ли Сю держал ритм, вторя гитарой песни певца и добавляя нотку энергичности. Они вчетвером играли слажено, и бар наполнялся искушающей ленью. Чем больше слушаешь, тем меньше хочется спать. Голос Кун Цзябао проникал в самое сердце, и случайные вздохи становились необыкновенно трепетными.

Песня закончилась, но никто не расходился. Жуань Си снял куртку и сидел в одном свитере, прекрасно видя Цинь Цзуня со своего места. Когда свет медленно погас, он убрал саксофон и позаимствовал электрическое пианино, к которому долго не прикасались. Тонкие пальцы коснулись клавиш, и звук полился плавно, без затруднений. Кун Цзябао пел «I Do» под аккомпанемент пианино, тогда как Се Фань подбрасывал барабанную палочку и включался в новый ритм.

— I Do love you, yes I Do love you...

Все любовные, нежные слова были заключены в этой песне, это признание для одного человека и для всех. Независимо от того, насколько далек близкий вам человек, в ваших глазах, смотрящих на него, будет лишь искренняя любовь.

После импровизированное выступление подошло к концу на прекрасной ноте, каждый был в отличном настроении. Все сидели на своих местах счастливые, довольные и расслабленные. Они всецело принадлежали себе, и свобода, кажущаяся недостижимой, на самом деле давно настигла их.

— Уже конец года, — произнес Кун Цзябао, — и я заранее поздравляю всех с Новым годом. Надеюсь, товарищи, которые в следующем году столкнутся на поле боя с экзаменами, одержат победу, а товарищи, которые усердно трудятся, смогут насладиться объятиями молодости. Возможно, мы не увидимся в новом году, возможно, попрощаемся на несколько месяцев, возможно, навсегда. Но какой бы ни был путь, каким бы ни было будущее, желаю всем вам держать головы высоко и смело идти вперед.

Пятеро на маленькой сцене поклонились, выражая благодарность. Под аплодисменты Чэнь Линь, обнимая гитару, оглядел небольшой, но оживленный бар и необъяснимым образом остановил взгляд на Су Боюе. «Зверь в облике человека» поднял пиво, словно чокаясь с ним, осушил залпом и прошептал одними губами:

— Желаю тебе тоже смело идти вперед.

Чэнь Линь вдруг ощутил горечь. Стоя там и склонив голову, он понимал, что это выступление, возможно, последнее. После Нового года те, кто сдают экзамены, уйдут, а вместе с ними и те, кто гонится за своими мечтами. Его прежнее упрямство и гордость остались внутри гитары в руках. Вокруг него стояли друзья, собравшиеся вместе, и почему-то чувство нежелания расставаться охватило сердце.

В это Рождество он исполнил свое желание. На следующее Рождество, через годы, через пять

лет, десять лет, двадцать лет, и во все последующие праздники он будет загадывать одно и то же желание.

Играть вместе со всеми.

— Спасибо, — тихо сказал Чэнь Линь, когда погас свет. — Спасибо вам всем...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14917/1412228>